

Игорь Орлав

Город на двоих

КодМЫ

История любви

Игорь Орлав

Город на двоих

«Автор»

2026

Орлав И.

Город на двоих / И. Орлав — «Автор», 2026

Вера только поселилась в Бережске, когда тяжёлая коробка со столом знакомит её с Матвеем. Он показывает ей город, где каждый поворот хранит воспоминание. Она находит здесь работу, друзей и собственное место. Но Матвей скоро уедет, а Вера больше не хочет строить жизнь вокруг чужого маршрута. Чем ближе отъезд, тем труднее им обходиться прогулками и поцелуями: можно ли остаться вместе, если каждому важно идти своей дорогой?

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Нижний выход	6
2. Экран без фильма	9
3. Зелёная дверь	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Игорь Орлав

Город на двоих

Это художественное произведение. Персонажи, города и события вымышлены; возможные совпадения случайны.

1. Нижний выход

Коробка со столом проехала по ступеньке сантиметра три, зашуршала картоном, и Вера поставила на неё ногу. Сверху, между жёлтыми стенами, виднелись окна её дома. До них оставалось семь лестничных пролётов.

На экране телефона синяя линия упорно шла вверх.

— Я тоже вижу, что вверх, — сказала Вера.

Водитель уже уехал. Они вместе выгрузили стол у таблички с нужным адресом, и только потом выяснилось, что это нижний выход со двора. Вера собиралась проверить дорогу прежде, чем подписывать получение, но постеснялась задерживать машину. Теперь она стояла у коробки, которую нельзя было ни оставить, ни поднять.

Мужчина с длинной картонной трубой под мышкой спустился на несколько ступеней и остановился.

— Простите, можно пройти?

Она подвинулась к стене. Мужчина посмотрел на коробку, потом на дом.

— Вам туда?

— Мне и столу. По отдельности получается, вместе пока нет.

Он поставил трубу вертикально, придержал её коленом. На нём была оливковая ветровка, на пальцах — белые следы чего-то высохшего. Высокий, сухощавый; из-за трубы ему приходилось слегка склонять голову, и в тёмных кудрях у виска была видна седина.

— Есть другая дорога. Длиннее. Там можно катить. У меня в мастерской тележка, минут пять отсюда.

— А вы сможете её одолжить?

— Для этого и говорю.

Вера убрала ногу с картона. Ей хотелось объяснить, что обычно она справляется, что за неделю в новом городе невозможно изучить все входы, что приложение обещало удобную доставку. Вместо этого она спросила, где подождать.

— Лучше здесь. Стол мы за пять минут не потеряем, но кто-нибудь захочет об него споткнуться.

Он вернулся с двухколёсной тележкой и пустыми руками. На перекладине болталась широкая стропа.

— Матвей.

— Вера. Спасибо, что вернулись.

— Трубу всё равно надо было отнести. У вас какой стол?

— Обычный письменный. На фотографии выглядел легче.

— Там его никто не нёс.

Они наклонили коробку, завели под неё металлический язычок. Матвей затянул стропу. Вера потянула за край, проверяя, не скользит ли картон, и поймала его внимательный взгляд.

— Хорошо держит, — сказал он. — Только за углы на поворотах придерживайте. Здесь иногда поперечный уклон.

Путь начался с движения от её дома. Вера оглянулась на лестницу. Коробка закрывала ему обзор снизу, поэтому она пошла впереди и выбирала места без ям. Сперва ей казалось, что она лишь изображает участие, пока чужой человек тащит её покупку. Потом на перекрёстке колесо попало в трещину, она вовремя удержала коробку, и Матвей коротко сказал:

— Вот. Именно так.

За лестницей была узкая улица с решётками над низкими окнами. Из одного окна пахло разогретой выпечкой. Женщина в фартуке переставляла на подоконнике горшки и, не преры-

вая работы, поздоровалась с Матвеем. Дальше они свернули к длинному пологому подъёму. Дом Веры пропал за крышами.

— Я это место вчера проходила, — сказала она. — Но с другой стороны. Там был магазин с тремя красными зонтами.

— Он и здесь есть. Только сзади.

— Для меня пока это два разных магазина.

— Когда соединятся, считайте, освоились.

Он говорил без той радостной настойчивости, с которой местные люди порой требуют немедленно полюбить их город. Подъём становился круче. Вера предложила смениться, но Матвей показал на высокий порог впереди: удобнее было сперва пройти его вдвоём.

В коротком проходе между стеной и чугунным столбиком коробка застряла. Матвей потянул тележку назад.

— Кажется, я забыл про этот столб. Раньше его не было.

Он примерился, собираясь приподнять груз. Вера присела и посмотрела на нижний угол.

— Подождите. Если сначала ваш край к стене, а мой наружу... Не всю коробку поворачивать. Как длинный поднос в дверях.

Матвей остановился. Они развернули тележку, наклонили коробку на стропе. Её угол прошёл над закруглённой тумбой с зазором в два пальца.

— Ещё чуть-чуть, — сказала Вера. — Теперь прямо.

Стол оказался по другую сторону.

Она подняла руки, словно только что поставила на место тяжёлую крышку, и засмеялась. Матвей улыбался тоже. У него был заметный нос с небольшой горбинкой и узкое, совсем не строгое сейчас лицо.

— Поднос, — повторил он. — Хорошо придумали.

От удовольствия стало жарко. Вместе они протиснули через проход нелепую покупку, и Вере вдруг расхотелось ругать водителя, приложение и себя.

Во двор они въехали с противоположной стороны, через широкий арочный проезд. Из окна над аркой свисало синее полотенце. Она уже знала его: каждое утро открывала занавески и видела этот неровный синий прямоугольник. Получалось, незнакомая дорога всё-таки привела к её дому.

Квартира находилась на первом этаже. У двери Вера сняла охристую сумку и прикрыла ею острый угол батареи, чтобы не содрать картон. Последние несколько шагов они перенесли коробку вдвоём. Матвей держал низко, не заставляя её поднимать руки.

— Здесь?

— Пока к стене. Спасибо.

Он выпрямился и посмотрел в комнату. В углу стоял чемодан, на полу лежали стопки книг. На подоконнике Вера устроила ноутбук. Складной стул был придвинут к нему боком.

— Теперь понятно, почему стол нужен срочно.

— Я вчера рисовала сорок минут стоя. Очень бодрая иллюстрация получилась.

Матвей рассмеялся и спросил, что она рисует. Она показала на экране лист: бумажный домик и руки, складывающие крышу. Он наклонился посмотреть, но ничего не тронул.

— А почему здесь крыша прозрачная?

— Чтобы было видно, куда входит язычок. Потом она опять обычная.

— То есть вы умеете ненадолго делать предмет честным.

Она усмехнулась. Обычно на этом месте спрашивали, не хочется ли ей рисовать что-нибудь настоящее.

Вера предложила воды. Пока он пил у открытого окна, она срезала упаковочную ленту. Внутри обнаружилась ещё одна плоская коробка. Матвей сказал, что на тележке удобно будет отвезти картон к контейнерам, а ему сейчас надо на другой конец города.

— Вернёте в субботу? Я буду с одиннадцати. Коричневые двери под вывеской с половиной буквы «Р».

— А другая половина где?

— Пока у меня на верстаке.

Она записала адрес. Когда Матвей ушёл, Вера ещё несколько минут стояла возле коробки. Потом убрала ноутбук с подоконника и разложила на полу детали. Стол пришлось собирать самой, и это заняло почти весь вечер. Но теперь у неё была ровная большая поверхность, а в телефоне — адрес, до которого хотелось дойти без подсказки.

2. Экран без фильма

В субботу Вера привезла тележку за десять минут до одиннадцати. Стропа была аккуратно смотана. На ручке она обнаружила нитку от своей сумки и сняла её, прежде чем постучать.

Половина буквы лежала в мастерской на газетах. Матвей сидел на низком табурете и подкрашивал её внутренний край тонкой кистью.

— Она не сломалась, — объяснил он, заметив её взгляд. — Такая вывеска. Одна часть на стене, вторая выносная. С улицы складываются.

Вера прошла к окну. Вдоль стен стояли узкие шкафы, банки с карандашами, рулоны бумаги. На большой доске был закреплён маленький дверной проём с высоким, почти человеческим выражением.

— А это что?

— Дверь, которая должна казаться слишком большой. Для макета сцены.

Он отложил кисть и встал рядом. Вера заглянула в проём, присев на корточки. За ним открылась лестница из серого картона. Крохотные ступени были неровно освещены.

— Если смотреть отсюда, хочется подняться.

— Так и должно быть.

— А сверху что?

— В этом спектакле — ещё одна комната. В макете ничего, я её не делал.

Он сказал это с явным удовольствием, как будто они вместе заглянули за кулисы удачного фокуса. Вера поднялась, одёрнула приглушённо-синюю куртку. Он заметил складку картона в её волосах, показал себе на висок. Она провела рукой по коротким тёмно-русые прядям и вытащила маленький треугольник.

— Стол мстит, — сказала она.

— А я думал, фирменный знак.

Матвей закончил букву, вымыл кисть. Спросил, есть ли у неё ещё час. Вера собиралась купить лампу и забрать посылку, но это могло подождать.

— Хочу показать одно место. Здесь недалеко.

На этот раз они пошли вверх по лестнице без груза. На середине Вера остановилась не от усталости: между двумя домами внезапно появилась река, узкая и светлая, как снятая с упаковки лента. Матвей подождал, пока она достанет телефон, но она убрала его, ничего не сняв.

— Не получается то, что я вижу.

— Там, выше, ракурс лучше.

Она ещё немного постояла. Ракурс, возможно, был неудобный, зато полоска воды возникла неожиданно и была только её находкой. Матвей уже поднялся на следующий пролёт, потом заметил, что она отстала, и вернулся на две ступеньки.

Наверху находилась площадка с бетонными тумбами. Трава росла между плитами. Вдоль дальней стены тянулся длинный светлый прямоугольник.

— Здесь показывали кино летом. Я подростком таскал складные стулья. Иногда успевал занять хороший.

— А остальные потом искали себе места?

— Мой тоже забирали. Очень справедливая система.

Он сел на низкую ограду. Вера устроилась рядом. Отсюда были видны плоские крыши, трубы и половина большого дерева, выросшего внизу. Ветер дёргал длинную полоску ткани на соседнем балконе.

Матвей рассказал, как однажды делал для этой площадки декорацию: огромную пальму к детскому представлению. У него были лист фанеры, зелёная краска и убеждение, что пальма без настоящих объёмных кокосов никому не нужна. Кокосы он вылепил из бумаги, покрасил слишком светло, и на расстоянии они оказались похожи на булки.

— Пришлось говорить, что это хлебное дерево, — сказал он. — Но потом один мальчик спросил, зачем у хлебного дерева листья от пальмы.

— Хороший мальчик.

— Очень неприятный. Пришлось познакомиться поближе. Мы с ним после представления эти булки отдирали.

— Вы могли сказать, что это вымышленное дерево.

— Мог. Но хотел, чтобы поверили без вопросов.

Она представила молодого Матвея, упрямо приклеивающего бумажную булку к фанерному стволу. В этой истории было больше жизни, чем в рассказе о том, как всё раньше здесь было прекрасно.

Вера достала из сумки блокнот. Пока они говорили, ей захотелось нарисовать не экран, а сцепленные между собой металлические ножки старой скамьи у стены.

— Почему её? — спросил Матвей.

— Видите, она стоит на разной высоте? Слева подложена плитка. А крепление сделано так, будто поверхность всегда будет ровной.

Он пересел поближе. Она наметила карандашом опоры, потом стёрла одну линию.

— Я делаю инструкции. Мне интересно, где предмет не сходится с тем, что от него требуется.

— И вы его исправляете?

— Иногда. Чаще стараюсь понятно показать. Исправлять мне обычно не дают.

Матвей смотрел на рисунок, не торопя. Потом указал на вторую ножку:

— Здесь тень смешная. Скамейка выходит четвероногой.

Она добавила тень. Несколько минут они молчали, прислушиваясь к далёкому стуку мяча. Сидеть возле этого почти незнакомого мужчины оказалось удобно. Не требовалось непрерывно говорить, доказывая, что прогулка не пропала даром.

— Я в октябре уезжаю, — сказал он.

Карандаш остановился.

— Надолго?

— Насовсем. В Тальск. Вернее, приезжать, конечно, буду. Но жить — туда.

Он говорил спокойно. У него было место в большой театральной мастерской, где декорации строила целая команда. Были люди, работающие с движущимися конструкциями, отдельное помещение для больших сборок. В Бережске Матвей брал заказы разного размера, делал макеты, помогал отцу с вывесками; отказываться от вывесок он не стыдился, но хотел наконец заниматься тем, к чему готовился.

— Два года портфолио собирал. Ездил к ним, переделывал. Квартуру уже нашёл. Здесь свою продаю.

— А ваш отец?

— Отходит от дел. Едет к сестре за город. Они уже делят, кто какие шкафы привезёт. Восемь лет назад я остался ему помогать. Потом всё как-то продолжалось.

Вера посмотрела на серые штрихи в блокноте. Она знала, что взрослые люди уезжают из городов. Ей казалось нелепым огорчаться из-за человека, которого она едва знала. И всё-таки место рядом с ней сразу стало менее устойчивым.

— Значит, вы сейчас всё обходите напоследок?

— Что-то хочется увидеть ещё раз. А с человеком, который здесь впервые, даже знакомое другое.

Он показал ей угол старого экрана: там оставался след от крепления его пальмы. Вера рассмеялась, закрыла блокнот. Несколько прогулок никого ни к чему не обязывали. Она только поселилась здесь, он почти собрался, и у них случайно оказалось немного общего времени.

На спуске Матвей спросил, какой стол она в итоге собрала. Вера показала фотографию. Он приблизил снимок и долго разглядывал бумажный домик, оставленный возле ноутбука.

— Вот эту крышу я бы всё равно сначала вставил неправильно, — сказал он.

Она попросила объяснить почему.

Матвей указал на линию возле трубы: она казалась ему продолжением сгиба. Вера приблизила изображение, проверила. Он оказался прав; её знакомая крыша позволяла неправильное прочтение.

— Пришлѐшь мне потом исправленную? — спросил он.

Они обменялись номерами. Вера написала ему своё имя, хотя он и так его знал, и получила в ответ фотографию фанерной пальмы.

— Сохранилась, — объяснил Матвей. — Я ведь всё делал всерьѐз.

На нижней площадке он предложил дойти до старой пристани. Вера посмотрела на время: пункт выдачи закрывался через сорок минут.

— Сегодня не успею.

Ей захотелось добавить оправдание, чтобы отказ не приняли за потерю интереса. Но Матвей просто спросил, где находится пункт, и показал короткий спуск к нужной улице.

— Только без стола, — предупредил он.

Вера пошла вниз. В кармане у неё лежала чужая смешная пальма, и никаких объяснений давать не пришлось.

3. Зелёная дверь

Дождь начался, когда до дома оставалось две лестницы. Вера прижала к груди папку с распечатками. Папка была из плотного картона, купленного с уверенностью, что за двадцать минут с ним ничего не случится.

Через минуту уверенность кончилась. Под деревом текло почти так же, как на открытом месте. Вера поднялась на первый пролёт и увидела слева короткий проход, уходивший между медовыми стенами. В глубине темнел навес. Она свернула, перепрыгнула через ручей возле водостока и оказалась в небольшом дворе.

Под навесом стоял велосипед без переднего колеса. Вера осторожно обошла его и сунула папку под куртку.

Из зелёной двери вышла женщина с рулоном прозрачной плёнки.

— У вас там бумага?

— Уже не совсем.

— Заходите. Только воду у двери стряхните. У меня тут всё бумага.

Внутри пахло картоном и клеем. На широком столе лежали стопки книжных крышек, у стены стоял тяжёлый пресс. Женщина освободила место на подоконнике, и Вера разложила листы. Вода добралась до края одного рисунка, но сами изображения уцелели.

— Инга, — сказала хозяйка. — Я здесь переплетаю. Если надо подсушить, оставляйте. На батарею нельзя, она ещё холодная, да и потом всё выгнет.

— Вера. Спасибо. Это пробы, не страшно.

Она всё же расправила намокший угол. На листах были детали бумажного театра для небольшого учебного пособия. Издатель прислал замечание: в третьем шаге плохо видно, какой стороной ставить опору. Вера весь день меняла рисунок, потом решила посмотреть на настоящую печать. На экране всё слишком охотно выглядело понятным.

Инга наклонилась над листом.

— Это у вас сгиб или разрез?

Вера вздохнула.

— Вот именно. Разрез. Должен был быть разрез.

— Я просто спросила.

— Вы очень вовремя спросили.

Она достала телефон и записала себе замечание. За спиной скрипнула дверь. Вошёл молодой мужчина с жестяной коробкой, поставил её на край стола.

— Инга, твою отвёртку вернул. А маленькую пока нет.

— Стас, она мне вечером нужна.

— Через полчаса принесу. Без оправданий.

Он посмотрел на мокрую Веру и подвинул к ней табурет. Соседнее помещение, пояснила Инга, было его велосипедной мастерской. Они иногда одалживали друг у друга инструменты, после чего требовались такие вот переговоры о возвращении.

Вера села. Инга убрала со стола две стопки крышек и достала из шкафа бумажный пакет с карандашами.

— Сегодня четверг, — сказала она. — Сейчас придут порисовать. Хотите, оставайтесь, пока льёт.

— У вас занятия?

— Мы просто собираемся. Кто что умеет. Я после целого дня одинаковых прямоугольников хочу хотя бы раз в неделю посмотреть на кривой чайник.

Чайника не оказалось. Вместо него Инга принесла небольшую металлическую настольную лампу. Плафон был помят с одной стороны. Стас, уже открывший дверь, вернулся и поднял лампу повыше.

— Она ещё работает?

— Работает. Рисовать не мешает.

— Я не про рисовать.

Он унёс её к соседней розетке, щёлкнул выключателем и удовлетворённо поставил обратно. Вера следила, как жёлтый круг света перешёл со стены на стол. После ясных белых полей своих инструкций ей неожиданно захотелось нарисовать весь этот круг вместе с царпиной на столешнице.

Пришла Зоя, женщина с верхнего этажа. В руках она держала пакет с точилкой и две небольшие пачки бумаги.

— Инга, в прошлый раз листы кончились, я свои принесла. Только не растаскивайте.

Она поздоровалась с Верой и сразу спросила, какой карандаш ей взять.

— Не знаю. Я здесь первый раз.

— А смотрите так, будто знаете.

Вера взяла два карандаша и показала на обрывке, как они оставляют разную линию. Зоя выбрала тот, который чертил темнее.

— Этот хоть видно.

Листы легли на стол вокруг лампы. Стас устроился на самом краю, не снимая рабочего фартука. Рисовал он быстро, короткими прямыми движениями, будто намечал, где придётся отпилить. Инга долго вертела карандаш, потом начала с тёмной внутренности плафона. Зоя обвела круглую подставку и недовольно посмотрела на результат.

— Она же круглая. Почему у меня блин?

Вера открыла рот, но Зоя уже перевернула лист.

— Сейчас другую сторону попробую.

Не требовалось немедленно объяснять. Вера с облегчением вернулась к своей бумаге. В тесной комнате слышались карандаши, негромкое шуршание дождя по навесу и щелчки, с которыми Стас отламывал слишком длинный кончик грифеля. Время перестало состоять из отправленных файлов и ответов заказчика.

Когда Зоя всё-таки попросила помочь, Вера поставила перед ней чашку.

— Посмотрите на край сверху, а потом опустите чуть ниже.

— Я лампу рисую.

— Знаю. Просто у чашки легче увидеть.

Зоя попробовала. Наклонила голову, подняла чашку, опять опустила. Ничего не сказала, но вернулась к подставке и больше лист не переворачивала.

Через несколько минут она подвинула бумагу к Вере.

— Вот здесь не понимаю. Шея в середину подставки приходит, а выглядит, будто в край.

Вера хотела взять карандаш и быстро поправить крепление. Рука уже потянулась, когда Зоя прикрыла рисунок ладонью.

— Ты скажи. Я сама.

— Да, прости.

Пришлось найти слова. Вера попросила сравнить расстояния слева и справа, показала пальцем на настоящую лампу. Зоя поочерёдно прищурила глаза, сердито вздохнула и перенесла линию. Получилось не вполне точно, но лампа перестала заваливаться. Она посмотрела на лист без улыбки, зато руку убрала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.